оссійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПР

НЪ ПОДЪ ПЕРВОЕ МАЯ.

(СКАЗКА-ПРАВДА).

Изданіе второе.

Изданіе Союза Русскихъ Соціальдемократовъ.

Цѣна 10 коп.

ЖЕНЕВА.
Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, 7.
1902.

Сонъ подъ Первое Мая.

(СКАЗКА-ПРАВДА).

I.

Былъ праздничный день во второй половинѣ апрѣля. Солнце уже сильно пригрѣвало землю, но въ воздухѣ уже чувствовались свѣжія струйки, какъ будто-бы зимняя стужа боролась еще съ ласкающими весенними лучами.

На выѣздѣ изъ большого промышленнаго города Коврина стоялъ на берегу рѣчушки огромный механическій стале-литейный и желѣзодѣлательный заводъ. Заводъ не прекращалъ работать и въ праздникъ, и изъ трубъ его валилъ черный дымъ, растилаясь клубами въ прозрачномъ, ясномъ воздухѣ. Вокругъ него ютились домики рабочихъ; на заводѣ работало около 6.000 человѣкъ, и всѣ они жили въ поселкѣ, снимая у хозяина квартирки, спеціально для нихъ выстроенныя заводомъ. За поселкомъ тянется лѣсъ старый, густой, уже начинающій оживать отъ зимней спячки. Въ самомъ поселкѣ имѣется нѣсколько кабаковъ, одинъ трактиръ и одна большая „потребительная“ лавка. Уже съ ранняго утра кабаки и трактиръ наполняются рабочими; праздничная смѣна сегодня будетъ гулять во всю, какъ въ каждый свободный отъ работы праздникъ. Много рабочихъ толпится кучками на улицахъ.

Въ одномъ изъ домиковъ, съ чистенькими коленкоровыми занавѣсками на окнахъ, сидитъ за книжной молодой рабочій изъ механической мастерской. Блѣдное лицо съ черной бородкой и ласкавыми карыми глазами, носитъ выраженіе какой-то мечтательной задумчивости. Онъ углубился въ чтеніе и не замѣчаетъ, какъ наряжается передъ зеркаломъ миловидная, совсѣмъ молоденькая женщина, его жена. Сегодня день ея рожденія, и она съ наслажденіемъ насаживаетъ къ вороту рублевую брошку, подарокъ мужа.

— Федя! Ты опять за книжкой!.. Да Федя-же!

Федоръ неохотно оторвался и точно въ полуснѣ обернулся къ женѣ.

— Федя? Хорошо? Прямо приколола?

— Прямо, Даша.

— Да ты и не смотришь! Ахъ, Федя, Федя!... Она печально смотрѣла на мужа. Но уже минуту спустя праздничное настроеніе снова овладѣло ею.

— Федя! Пойдемъ сегодня въ городъ, въ садъ: тамъ хоть людей посмотримъ!

— Не могу я сегодня, Даша... Дѣла тутъ есть...

— Съ кампаніей въ лѣсъ идти, этакія дѣла-то? раздраженно кинулась она на него.

— Ахъ Даша, Даша!... Да развѣ-же я пянствую или распутничаю съ кампаніей-то? И что ты стала серчать каждый разъ на это. Не буйная, вѣдь, это кабацкая жизнь.

— Лучше буйная, лучше кабацкая, лучше-бы ты пьянствовалъ, лучше-бы ты въ кабакѣ пропадалъ, чѣмъ...

— Чѣмъ?

— Чѣмъ въ лѣсу укрываться, да сговоры тамъ вести, да книжки читать... Ажно сердце замираетъ, ажно духъ захватываетъ, какъ вспомнишь...

— Что вспомнишь-то, полоумная ты!

— Про Терентьевыхъ вспомнишь. Старуху-то, старуху-то што! Съ саблями пришли жандармы, все перерыли, увели, вотъ тебѣ и начитались! Господи, за что это на меня наказанье такое!... Горькая я спротинка! и слезы ручьемъ потекли изъ глазъ молодой женщины.

— Перестань, глупая ты... смущенно сказалъ Федоръ. Одно слово — бабье! Да еще изъ бабьихъ бабье! Подика-съ ты вотъ на табачную фабрику на Кирчной-то: что тамъ бабы то дѣлаютъ. И жандармовъ не боятся, и книжекъ на нихъ не напасешься, и...

— И, молчи ужъ ты! Вотъ какъ услѣдятъ, что вы дѣвокъ-то въ лѣсъ заманиваете, да книжки имъ суете, такъ и головы не сносишь...

— Не кричи ты, Даша, — окна то на полу, вѣдь. Коль хочешь мнѣ свои рацеи вычитывать, такъ пойдемъ въ лѣсъ, ишь солнышко-то какъ грѣетъ!

Даша съ надутыми губами заколола платокъ у зеркала, и, надѣвъ кофточку, взяла замокъ.

— Иди, што-ль, студентъ безштанный.

Федоръ поднялся и потянулся. Какая-то больная усталость сковывала его члены. Онъ молча вышелъ на крыльцо и зажмурилъ глаза отъ слишкомъ яркаго свѣта. Къ ихъ дому подходилъ молодой рабочій въ синей блузѣ, съ некрасивымъ рябымъ лицомъ и умными, проницательными глазами.

— Здорово, Федоръ. Получилъ, получилъ! радостно заговорилъ онъ, но, увидѣвъ выходящую Дашу, спокойно спросилъ:

— Прогуливаться? Въ добрый часъ! Федя, на минутку. Они отошли въ сторону, а Даша злобно смотрѣла на товарища мужа. Черезъ минуту она уже шла съ мужемъ по поселку; злоба утихала въ ней и она старалась такъ разставить концы платка, чтобы встрѣчные могли видѣть ея новую брошку. Въ лѣсу было тихо, тихо. Солнечные лучи, точно спѣша воспользоваться отсутствіемъ листвы, волной заливали его. Федоръ жадно вдыхалъ воздухъ и съ умиленіемъ оглядывался кругомъ, точно привѣтствуя каждое деревце, каждую полянку.

— Хорошо, Даша! Что въ городѣ? Теперь тамъ уже пыль, барыни шлендаютъ хвостами. А тутъ!... Ухъ! взхохнулъ онъ глубоко.

Даша повидимому не сочувствовала ему и все еще дулась.

— И чего ты боишься, глупая?

— Нѣтъ, а чего тебѣ не хватаетъ-то, вотъ ты што мнѣ скажи лучше. Живемъ чисто, работаешь хотъ и много, да не даромъ, не то что ткачъ какой, или вонъ сахарникъ. Тоже приконить могли бы, коли-бъ на сторону не таскалъ денегъ-то, да на книжки не транжирилъ-бы.

— Да, вѣдь, въ книжкахъ-то свѣтъ, Даша. Вѣдь душа отдыхаетъ за ними и жизнь милѣе становится. Себя понимать начинаешь, и кто ты такой есть и что кругомъ тебя дѣлается. И какъ жить нужно, Даша... И это узнаешь...

— Какъ жить-то? Не воръ ты, не пьяница, трудомъ своимъ живешь, чего еще?

— Да, вѣдь, не одинъ я, Даша!

— Не одинъ! Ништо я требую чего съ тебя?

— Не ты... сама вотъ говоришь—ткачи, да сахарники... Вѣдь, люди тоже... братья наши. А жизнь то ихъ какая? Каторжная! Коли мы, которые получше живемъ, имъ помощи оказывать не будемъ, да дознавать, какъ ихъ изъ бѣдности да изъ дьявольской работы вызволить можно, такъ и сами никогда не добьемся ничего. А добиться многаго нужно, Даша! Можно добиться того, что и хозяевъ надъ нами не будетъ, сами всѣ дѣла вести будемъ, и прибыль перестанемъ въ ихъ карманы горами сваливать.

— Хозяевъ не будетъ?... Ха, ха, ха! Голыши вы эдакіе! Глядите-ка, не вѣдьмы ли васъ въ лѣсу то обходятъ, коли такія мысли въ голову лѣзутъ. Ужъ хозяева-то не вмѣсто-ли васъ работать станутъ?... издѣвалась Даша.

— Смѣйся, Даша! А я вѣрю, такъ вѣрю, что и жизни не пожалѣю на это. Всѣ работать должны, Даша. Не должно быть хозяевъ фабрикамъ, заводамъ. Всѣ рабочіе сообща ими владѣть будутъ, и будутъ всѣ равны, и тогда только люди счастья добьются.

— Теперь лицо Федора было прекрасно. Глаза горѣли, яркій румянецъ заливалъ щеки, и прежняя усталость смѣнилась энер-

гіей, отвагой. И Даша умолкла. Мужъ никогда не говорилъ съ ней откровенно, а уже 6 мѣсяцевъ она замужемъ за нимъ. Она не вѣрила тому, что онъ ей говорилъ, но какъ то не смѣла спорить: что-то глубокое, сильное, звучавшее въ его голосѣ, останавливало ее.

— Переловятъ васъ жандармы, вотъ тебѣ и счастье... промолвила она, наконецъ.

— Переловятъ? Ловятъ только рыбъ въ пруду, а не насъ, Даша. Нельзя переловить волны въ морѣ, ни остановить ихъ. А мы — море, Даша. Мы скорѣй всѣхъ въ себѣ затопимъ, чѣмъ сами въ руки дадимся. Мы—сила, Даша! Помнишь, какъ намедни струхнулъ директоръ, какъ мы ему требованіе препроводили, да стачкой угрожать стали? Небось,—и голосъ перемѣнилъ, и ласковый сталъ... Только уймитесь, братцы. Правда, требовать еще мы не умѣемъ... силы еще не нароело у насъ... А ты сердишься, Даша. Вѣдь, кто изъ насъ просвѣтился, да свое положеніе сознадъ, тотъ уже не вернется къ темной жизни. Нѣтъ! Что ни день, то все новыя мысли да планы въ голову лѣзутъ. А тоска-то, тоска-то какая забираетъ, какъ не удается что, или идетъ плохо. Такъ-бы и летѣлъ на крыльяхъ, точно что поднимаетъ тебя, и страху нѣтъ никакого ни передъ чѣмъ. Только бы знать, что дѣлать, да какъ! А отъ насъ свѣтъ загораживаютъ, каждую книжку про нашу жизнь тайкомъ, какъ воръ, аль преступникъ читай. Поневолѣ злость разберетъ нашего брата, отчаяннымъ сдѣлаешься, на всякія средства готовъ будешь. Изверги, кровопійцы!... злобно говорилъ Федоръ.

Въ это время они подошли къ полянкѣ, посреди которой лежалъ огромный камень — „Синій Камень“, какъ звали его жители поселка. Федоръ внимательно осматривалъ поляну и что-то соображалъ.

— Чего ты смотришь?

— Полянка хорошая... удобная... тихо засмѣялся Федоръ. Поляна что-то напоминала ему и онъ заторопился.

— Вотъ что, Даша, ты ужъ не сердись сегодня. Очень мнѣ нужно потолковать съ товарищами... Двинемся-ка къ дому.

Даша неохотно пошла за нимъ. Ея непривыкшая думать голова не могла переварить словъ мужа, но не могла и отвязаться отъ нихъ: ихъ новизна и горячій тонъ Федора заставляли ее перебирать ихъ въ умѣ.

Изъ поселка уже неслись голоса рабочихъ и полупьяное пѣніе изъ трактира. Федоръ направился къ одной изъ группъ рабочихъ, стоявшихъ около полисадника и о чемъ-то горячо бесѣдовавшихъ.

II

— Ну что, какъ дѣла? быстро спросилъ Федоръ. Это были его товарищи,—участники кассы борьбы и тайнаго союза рабочихъ этого завода.

— Славно! радостно сообщили рабочіе. Праздникъ завтра знатный устроимъ *). И рѣчь есть, да и послушать ее есть кому. Человѣкъ 800 наберется завтра, хвастливо заявилъ одинъ изъ нихъ. Мѣсто только надо облюбовать...

— Нашелъ, нашелъ ужъ мѣсто, перебилъ его Федоръ. У Синяго Камня чудесно! И рѣчь говорить съ камня-то хорошо. Въ родѣ какъ каѳедра будетъ онъ у насъ.

— Да, это не то, что въ прошломъ году: на майскій праздникъ 40 человѣкъ пришли! Знатно мы выросли за годъ-то, рукой не достанешь!

Рабочіе начали обсуждать мелочи устройства праздника; на всѣхъ лицахъ было возбужденіе: завтра они будутъ праздновать свой рабочій праздникъ, праздникъ труда, праздникъ надежды...

Въ это время къ нихъ группѣ подходилъ рабочій, совершенно не похожій по виду на всѣхъ остальныхъ. Онъ былъ въ крахмальной манишкѣ и галстухѣ, довольно полный, съ выразительнымъ, умнымъ лицомъ. Это былъ бельгійскій рабочій уже не молодой человѣкъ. Въ Ковринѣ строился электрическій трамвай и заводъ пригласилъ умѣлыхъ бельгійскихъ рабочихъ устраивать его. Одинъ изъ нихъ, Артцъ, который теперь подходилъ къ нимъ, уже нѣсколько разъ бывалъ въ Россіи и выучился говорить по-русски. Рабочіе любили его за его живой, веселый характеръ, любили слушать его разсказы объ его странѣ.

— Братцы, надо Артца позвать съ товарищами на праздникъ... Непремѣнно. Пусть посмотрятъ бельгиши на насъ; мы тоже въ грязь лицомъ не ударимъ!

— Непременно, непремѣнно! послышалось кругомъ.

— Бонжуръ, камарады, весело привѣтствовалъ ихъ Артцъ. Пива желаете? Алонъ, за компанію.

— Вотъ что, алонъ, съострили рабочіе. У насъ до тебя дѣло есть. Завтра, вѣдь, праздникъ у насъ.

— Знаю, знаю! Завтра въ моей странѣ большой, великій праздникъ, грустно сказалъ онъ, сожалѣя, вѣроятно о томъ, что онъ здѣсь, вдали отъ родныхъ мѣстъ. Первый разъ я встрѣчаю первое мая не у себя,—да, первый разъ...

— Ну, вотъ и будемъ встрѣчать вмѣстѣ, не соскучишься съ нами. Этотъ годъ удачно праздновать будемъ.

---

*) Завтра—18 Апрѣля. Русскіе рабочіе празднуютъ 1-ое Мая новаго стиля, т. е. 18 апрѣля.

— Большая манифестація будетъ? освѣдомился Артцъ.

Рабочіе переглянулись. Имъ приходилось и читать, и слышать отъ интеллигентовъ о празднованіи 1-го Мая заграницей, слышали они и о манифестаціяхъ. Не знали они только, какъ назвать имъ свое празднество, не знали подходитъ-ли къ нему это названіе.

— Манифестація, говорю, будетъ? повторилъ бельгіецъ, не понимая, почему молчатъ рабочіе.

— Да, да, манифестація, да еще какая!

— Куда ходить будетъ? спросилъ снова Артцъ.

— Куда ходить? Никуда не пойдемъ, а праздновать будемъ, ну, просто праздновать.

— Гдѣ праздновать? недоумѣвалъ онъ.

— Ахъ ты, безтолковый! Ну, въ лѣсу праздновать будемъ. Видишь, лѣсъ то сзади, —тамъ и будемъ, съ факелами, знатно!

Тутъ только бельгіецъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, и такъ искренно, такъ неудержимо расхохотался, что рабочіе оцѣпенѣли.

— Ха, ха, ха! заливался онъ. Ой, умираю! Ха, ха, ха, ха, ха, ха! Онъ держался за животъ и готовъ былъ кататься по землѣ отъ душившаго его смѣха.

Рабочіе продолжали стоять, какъ столбы, потомъ злое выраженіе появилось на ихъ лицахъ.

— Чего катаешься, заморская фигура, злобно заговорилъ, наконецъ, рябой товарищъ Федора. Чего потѣшнаго нашелъ?

— Ой, уморили... послѣдній разъ проговорилъ бельгіецъ, утирая выступившія у него отъ смѣха слезы.

— Ну?... угрожающе обступили его рабочіе

— Постойте!

— Постоять-то мы и безъ тебя съумѣемъ, говори, безтолочь, надъ чѣмъ зубы скалишь? наступалъ рябой.

— Говори, говори! Не такихъ нашелъ, чтобы насмѣшки свои заграничныя въ насъ пускать. Ишь ты, фигура! Нѣтъ, безъ объясненій не выпустимъ! слышалось кругомъ.

Видя угрожающія позы рабочихъ, бельгіецъ пересталъ смѣяться, и теперь лицо его выражало напряженную работу мысли.

— Не такъ! Не такъ! Не прячемся мы въ лѣсъ, не потихоньку празднуемъ мы 1-ое Мая! Тогда этотъ праздникъ пропадаетъ. Мы празднуемъ для того, чтобы показать буржуазіи и правительству свою силу, свою армію. Въ первое мая пропадаетъ обаяніе весны для буржуазныхъ классовъ. Арміи рабочихъ, десятками тысячъ проходящихъ по улицамъ, заставляютъ содрогнуться всѣхъ угнетателей, всѣхъ враговъ. Мы празднуемъ каждый годъ для того, чтобы показать буржуазіи бойцовъ, готовыхъ защищать свои права на жизнь до тѣхъ поръ, пока весеннее солнце не засіяетъ для всѣхъ одинаково, пока оно не освѣтитъ мрачныхъ рудниковъ и копей, гдѣ сотнями гибнутъ наши товарищи, пока его

свѣтъ не уничтожитъ неправды, царящей въ современномъ обществѣ, и эксплуатаціи, водворившей въ человѣчествѣ нищету, голодъ, позоръ нашихъ дочерей... Эти бойцы несутъ знамена рабочаго класса; на ихъ лицахъ буржуазія читаетъ смертный приговоръ своему господству. А рабочіе идутъ, идутъ, заливаютъ всѣ улицы, и полиція не смѣетъ имъ препятствовать, она расчищаетъ имъ дорогу. Она знаетъ, что это право завоевали себѣ рабочіе, она знаетъ, что малѣйшее сопротивленіе превратило бы это торжественное шествіе въ кровавое побоище. Да, мы должны свой праздникъ труда, праздникъ будущаго праздновать открыто, на виду у всѣхъ. Это наше право, котораго никто у насъ не можетъ отнять: мы его завоевали борьбой...

Рабочіе слушали вдохновенную рѣчь бельгійца и тоскливо становилось у нихъ на душѣ. Такъ радостно готовились они къ празднику въ лѣсу и вдругъ этотъ чужой человѣкъ говоритъ имъ, что такой праздникъ пустяки, что нужно устраивать другой, открытый праздникъ, что нужно завоевать себѣ это право.

— А жандармы? А тюрьмы? А ссылки? очнулись рабочіе. Ты про это знаешь? Ты знаешь? тормошили они его.

— Знаю, знаю! Я знаю, что съ вами обращаются какъ съ бродягами, мошенниками и преступниками. Но я знаю еще, что такъ долго ждать нельзя. И у насъ было время, когда насъ не считали силой, но мы показали имъ, какъ умѣемъ бороться, мы боролись, и достигли. Мы много боролись; мы и теперь никогда не перестаемъ бороться: достигнемъ одного,—начинаемъ бороться за другое, послѣ другого — за третье. И теперь у насъ уже много правъ, но дорога длинна, ой длинна!

— Разскажи, какъ вы боролись, да все разскажи, ничего не утаивай! Ничего! просили его рабочіе.

— Ну, хорошо. Пойдемъ въ трактиръ...

Рабочіе медленно двинулись въ трактиръ и усѣлись тамъ въ укромный уголокъ, гдѣ-бы ихъ никто не могъ слышать. Тихо, тихо лилась рѣчь бельгійца; съ напряженнымъ вниманіемъ, не проронивъ ни слова, слушали его рабочіе. И бодрость снова овладѣла ими; они какъ то яснѣй поняли свое положеніе и свои задачи; удрученное чувство, вызванное смѣхомъ бельгійца, смѣнилось сознаніемъ необходимости борьбы, необходимости завоеванія правъ всякими путями, всякими средствами. Особенно ясно стало имъ ихъ политическое безправіе, ихъ беззащитность и все то беззаконіе, которое царитъ при самодержавномъ правительствѣ, когда народъ устраненъ отъ всякаго надзора за управленіемъ, когда онъ не можетъ выражать своихъ требованій.

Съ тяжелой головой, съ безконечной вереницей новыхъ мыслей, безпорядочно мелькавшихъ въ головѣ, возвратился Федоръ домой поздно вечеромъ. Подходя къ дому, онъ вспомнилъ о женѣ, о прокламаціяхъ, которыя лежали у него въ карманѣ и которыя

онъ долженъ былъ разбросать завтра утромъ по мастерскимъ, но это воспоминаніе, промелькнувъ, тотчасъ-же уступило мѣсто думамъ о разсказѣ бельгійца. Войдя точно въ полуснѣ въ комнату, онъ не обратилъ вниманія на воркотню жены, на ея упреки, и, какъ пластъ повалившись на постель, онъ заснулъ мертвымъ сномъ.

III

И приснился ему странный сонъ. Бельгіецъ беретъ его за руку и ведетъ туда, къ себѣ, въ страну свободы, въ Бельгію. Федоръ идетъ за нимъ, сердце его замираетъ, глаза широко раскрыты, точно хотятъ охватить взглядомъ все, что будетъ ему показываться въ этой странѣ рабочихъ правъ, въ странѣ, гдѣ умеръ деспотизмъ подъ желѣзнымъ давленіемъ народа.

— Что-же тебѣ показывать? спрашиваетъ Артцъ. Мы въ Брюсселѣ, столицѣ Бельгіи.

— Показывай все, о чемъ разсказывалъ, шепчетъ Федоръ.

Они идутъ по бульвару; электрическіе трамваи то и дѣло мелькаютъ мимо, всѣ улицы залиты асфальтомъ, вездѣ чистота, ни пыли, ни сору,—точно невидимая рука постоянно уничтожаетъ всю грязь.

— Вотъ улица „Закона“. Здѣсь стоитъ парламентъ; въ немъ засѣдаютъ всѣ представители народа, въ немъ издаются законы. Пойдемъ туда, тамъ теперь засѣданіе.

Они подошли къ красивому, величественному зданію. У двери стоялъ швейцаръ съ галунами и вѣжливо пропустилъ ихъ внутрь. Они вошли въ галлерею, предназначавшуюся для публики. Эта галлерея шла четырехугольниками, какъ въ театрѣ, и во время засѣданій здѣсь сидѣла публика, желавшая знать, что дѣлается въ парламентѣ. Внизу помѣщались скамьи для депутатовъ, въ серединѣ—у стѣны—столъ президента, руководящаго преніями. Около стола президента небольшая трибуна, съ которой ораторы говорили свои рѣчи.

— Посмотри: на первыхъ скамьяхъ сидятъ католики. Это консервативная буржуазная партія, это самый злостный врагъ народа. На среднихъ скамьяхъ сидятъ прогрессисты и либералы; это также буржуазная партія, но имъ часто нужна бываетъ широкая политическая свобода, они борются за нее. А такъ какъ и рабочимъ она необходима, какъ хлѣбъ, то они соединяются съ прогрессистами, чтобы побѣдить католиковъ. А на лѣвыхъ скамьяхъ сидятъ наши дорогіе рабочіе депутаты. Ихъ теперь 29, но каждый годъ, по мѣрѣ того, какъ растетъ рабочее движеніе, новые депутаты рабочихъ приходятъ въ парламентъ. Всѣ вопросы въ этомъ парламентѣ рѣшаются по большинству голосовъ. Ты

видишь, значитъ, какъ важно намъ провести сюда возможно больше депутатовъ, чтобы они смогли не только выставить, но и провести наши требованія. Слушай, слушай! Вотъ говоритъ нашъ знаменитый рабочій депутатъ Вандервельде!

Къ своему великому удивленію, Федоръ все до слова понималъ во французской рѣчи оратора.

— Мы требуемъ, говорилъ онъ, отчета отъ г. министра труда въ его поведеніи въ стачкѣ углекоповъ. Капиталисты нарушили законъ, а министръ, вмѣсто того, чтобы свято исполнить свою обязанность—защищать условія труда,—постыдно сталъ на сторону капиталистовъ и этимъ уронилъ себя въ глазахъ рабочихъ. Мы, соціалисты и представители рабочихъ, не можемъ допустить такого нарушенія правъ рабочихъ и требуемъ отъ г. министра законнаго и справедливаго поведенія!

Министръ началъ защищаться. Смѣхъ и шумъ на лѣвой прерывали его рѣчь. Когда этотъ вопросъ былъ выясненъ и обѣ стороны высказались, президентъ предложилъ перейти къ другому вопросу, — къ вопросу объ ассигнованіи добавочныхъ суммъ на содержаніе наслѣдника престола, принца Фландрскаго. *) Католики были за ассигновку. Прогрессисты, либералы и депутаты рабочихъ дружно—противъ. Депутаты рабочей партіи произнесли горячія рѣчи противъ правительства. Снова на трибуну взошелъ Вандервельде. Онъ долго говорилъ о нуждахъ Бельгіи, о жилищахъ для рабочихъ, о содержаніи ихъ дѣтей школьнаго возраста и заключилъ свою рѣчь: „Позоръ! Когда націи нужны деньги для удовлетворенія необходимыхъ потребностей гражданъ-тружениковъ, ей предлагаютъ дать средства на содержаніе паразитовъ, совершенно ненужныхъ государству. Не сегодня-завтра въ парламентъ будетъ внесенъ вопросъ объ уменьшеніи или объ уничтоженіи королевскаго жалованья, а вы просите прибавки, вы — лакеи королевскаго дома“.

Шумъ на правой прервалъ его.

— Я требую, чтобы меня не прерывали: я защищаю здѣсь права рабочихъ и съумѣю доказать вамъ, что за мною — сила, всегда готовая дѣйствіемъ закрѣпить требованіе своего депутата.

Вопросъ начали вотировать (голосовать). Большинство голосовъ было противъ, и графу Фландрскому было отказано, такъ какъ безъ разрѣшенія парламента въ Бельгіи правительство не можетъ истратить ни одного сантима.

Федоръ сидѣлъ и слушалъ, какъ очарованный, депутатовъ рабочаго класса, слушалъ,—и не вѣрилъ своимъ ушамъ.

---

*) Въ Бельгіи и король, и его наслѣдникъ получаютъ мизерное содержаніе сравнительно съ содержаніемъ деспотическихъ монарховъ.

— Господи! Какому Богу готовъ бы я молиться, еслибъ это случилось у насъ, въ родной Россіи! воскликнулъ Федоръ.

— Не Богу,—Богъ тутъ ни при чемъ, онъ въ эти дѣла не вмѣшивается, засмѣялся бельгіецъ, а себѣ молись, въ себѣ находи силы; соединяйся съ товарищами. Кромѣ васъ самыхъ, вамъ никто не поможетъ. Пока мы были разрознены, никто и нигдѣ не защищалъ нашихъ правъ; мы были беззащитны. Но, однако, пойдемъ. Я поведу тобя въ нашъ собственный домъ, въ „Народный Домъ".

Они снова вышли на улицу. Сначала они шли богатыми, шумными улицами. Нарядная толпа медленно двигалась по тротуарамъ, разсматривая блестѣвшія роскошью окна магазиновъ. Потомъ улицы стали менѣе шумны, менѣе чисты: они пришли въ рабочіе кварталы.

— Здѣсь уже не такъ чисто, замѣтилъ Федоръ.

— За то дружно! Вычистить успѣемъ послѣ...

Переулками они подошли къ улицѣ Бавьеръ. Повернувъ въ нее, они тотчасъ же по правую руку увидѣли огромный трехэтажный домъ, кооперативъ рабочихъ, „Народный Домъ". На крышѣ передъ входомъ развѣвался красный флагъ.

— Кому же изъ васъ принадлежитъ этотъ домъ? спросилъ Федоръ.

— Организованнымъ союзамъ рабочихъ, рабочей партіи отвѣтилъ бельгіецъ.

Они вошли въ первую комнату. Эта комната была нѣчто въ родѣ трактира. Въ одномъ углу помѣщался скромный буфетъ, гдѣ разливалось пиво, стояли закуски. По всей комнатѣ разставлены столы и лавки. Сюда приходятъ рабочіе, ихъ жены и дѣти, чтобъ отдохнуть послѣ работы за кружкой пива, въ разговорѣ съ товарищами. Теперь въ комнатѣ было пусто,—днемъ рабочіе были заняты. Слѣдующая комната представляла изъ себя длинный коридоръ, по обѣ стороны котораго были двѣ кассы: это была лавка рабочихъ. Здѣсь они закупали хлѣбъ, уголь, кофе, масло, яйца и пр. предметы потребленія по нисшей цѣнѣ, чѣмъ въ частныхъ лавкахъ. У лавки была своя булочная и своя пивоварня. Несмотря на то, что цѣна была ниже базарной, рабочему кооперативу, кромѣ того удавалось получать прибыль, которая и распредѣлялась среди рабочихъ, сообразно суммѣ, на которую каждый изъ нихъ дѣлалъ въ годъ закупокъ. Въ сосѣднемъ домѣ находилась другая лавка рабочихъ, въ которой продавалась одежда, обувь; шляпы и всякая мелочь для костюма. У этой лавки были свои мастерскія, — швейныя, портняжьи. Рабочіе получали въ этихъ мастерскихъ по 5 франковъ въ день (1 р. 85 коп.) и работали 8-9 ч. Управляютъ кооперативомъ выборные отъ рабочихъ, которые каждый годъ обязаны отдавать отчетъ собранію рабочихъ о дѣятельности лавокъ и мастерскихъ.

Федоръ сталъ распрашивать о значеніи кооператива. Кассиръ разсказалъ ему, что кооперативъ, давая рабочимъ и Рабочей Партіи (съ доходовъ кооператива долженъ вноситься опредѣленный процентъ въ общую политическую кассу партіи) большую матеріальную выгоду, служитъ въ то же время средствомъ объединенія рабочихъ, научаетъ ихъ управлять своими дѣлами и привлекаетъ другихъ, мало сознательныхъ рабочихъ.

Въ этомъ же этажѣ помѣщалась библіотека. Въ ней были преимущественно соціалистическія книги: сочиненія Маркса, Энгельса, Цезаря Папе, соціалистическіе журналы, много научныхъ книгъ. Много было также агитаціонныхъ брошюръ на разныя темы.

Въ слѣдующемъ этажѣ помѣщался огромныхъ размѣровъ залъ —для митинговъ и для дѣловыхъ собраній. Прямо передъ входомъ, въ глубинѣ, была сцена, на которой въ праздничные дни ставились пьесы; актерами, конечно, были сами-же рабочіе. Залъ красиво былъ убранъ вѣнками изъ иммортелей. Завтра, 1-го мая, они смѣнятся новыми.

Въ верхнемъ этажѣ помѣщались комнаты для спѣвокъ, для репетицій оркестра (у рабочихъ были свои пѣвческія и музыкальныя общества), комната для студентовъ-соціалистовъ, примыкавшихъ въ Рабочей Партіи. Затѣмъ шли комнаты для синдикатовъ (профессіональныхъ союзовъ). Каждый синдикатъ имѣлъ свое бюро, куда поступали, какъ требованія капиталистовъ, такъ и предложенія труда со стороны рабочихъ. Тутъ же находилась комната для „Школы ораторовъ“. Въ этой школѣ опытные соціалисты готовили агитаторовъ изъ рабочихъ для пропаганды своихъ идей.

— Мы еще успѣемъ вернуться сюда вечеромъ, сказалъ ему Артцъ. Съѣздимъ пока въ другой городъ, Гентъ. А то ты подумаешь, что у насъ только въ столицѣ такъ устраиваются рабочіе. Нѣтъ, успокойся! Такіе кооперативы построены во всѣхъ рабочихъ мѣстностяхъ Бельгіи. Въ Центрѣ, Жолимонѣ — черные углекопы постоили себѣ свои дворцы, куда они приходятъ отдыхать изъ своего мрачнаго подземелья. Поѣдемъ въ Гентъ.

Они отправились на Сѣверную станцію желѣзной дороги. Поѣзда уходили чуть-ли не каждую минуту, и у Федора кружилась голова отъ непрерывнаго мельканія паровозовъ и вагоновъ.

Черезъ полтора часа они были въ Гентѣ, центрѣ ткацкаго производства и полотняныхъ фабрикъ. Они отправились въ „Народный Домъ“.

— Теперь здѣсь два „Народныхъ дома“: одинъ изъ нихъ на площади Ванъ-Артвельде, а другой—въ богатыхъ кварталахъ.

Старый кооперативъ на площади былъ весь украшенъ снаружи нарисованными на стѣнахъ картинами изъ исторіи Бель-

гін. Картины обведены золоченными рамками, и все зданіе производитъ впечатлѣніе храма. Внутри — комната для засѣданій рабочей партіи Гента, для конгрессовъ (съѣздовъ) и митинговъ. По стѣнамъ нарисованы портреты знаменитыхъ соціалистовъ: Сенъ-Симона, Фурье, Роберта Овэна, Цезаря Папе, Маркса, Энгельса, нашего русскаго Чернышевскаго. Комната огромная, съ эстрадой для ораторовъ, съ хорами.

Рядомъ съ этимъ домомъ, гдѣ также, кромѣ залы митинговъ, была библіотека и комнаты для союзовъ, находились лавки съ одеждей, аптека, маленькая гостинница, въ которой останавливались проѣзжающіе черезъ Гентъ рабочіе—члены партіи. Партія Гента содержала ихъ на свой счетъ въ теченіи трехъ дней. Тутъ же—булочная. Булочная въ Гентѣ роскошная, хлѣбъ мѣсится машинами и продается не только рабочимъ, но и другимъ жителямъ Гента, конкурируя своей дешевизной и полновѣсностью съ частными булочными.

Другое зданіе, помѣщавшееся въ богатомъ кварталѣ, предназначалось исключительно для праздниствъ и воскреснаго пребыванія тамъ рабочихъ. Во время конгресса тамъ засѣдали рабочіе депутаты. Это—уже совсѣмъ роскошное зданіе. Внизу—ресторанъ огромныхъ размѣровъ, гдѣ за самую дешевую цѣну рабочіе получаютъ пиво, кофе, прохладительное, закуски. Тутъ же внизу—роскошный залъ съ большими дверями, ведущими въ обширный садъ—садъ рабочихъ. Зала увѣшана вѣнками и большими красными знаменами. Надъ эстрадой тянется, красиво спускаясь отъ потолка, красное полотно съ надписью: „Союзъ даетъ силу!“ По бокамъ этого полотна — два флага съ надписью: „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“ Черезъ открытыя двери несется весеннее благоуханіе изъ сада. Въ саду стоитъ безконечное множество столовъ и стульевъ. Въ одномъ углу сада — бесѣдка для музыкантовъ. Въ этотъ садъ тысячами стекаются въ праздникъ рабочіе съ женами и дѣтьми. Весь домъ и садъ наполняются тогда шумомъ, смѣхомъ, весельемъ, на эстрадѣ играетъ рабочій оркестръ. Рабочіе отдыхаютъ здѣсь отъ тяжелаго недѣльнаго труда, — это ихъ домъ, — вѣнецъ ихъ борьбы за право на свободное существованіе.

Съ Федоромъ всѣ любезно разговаривали, распрашивали про Россію. Подошелъ къ нему и знаменитый вождь и организаторъ гентскихъ рабочихъ, депутатъ парламента Анселе. Онъ долго распрашивалъ Федора про положеніе рабочихъ въ Россіи.

— Не унывайте, боритесь съ безправіемъ. Мы начали съ кассъ взаимопомощи, кассъ борьбы, съ борьбы противъ отдѣльнаго капиталиста и достигли политической партіи, борьбы въ парламентѣ. Мы начали съ крошечной булочной, помѣщавшейся въ подвалѣ, —теперь своими домами мы можемъ поспорить съ дворцомъ короля! гордо улыбаясь, сказалъ онъ.

Артцъ положилъ руку на плечо Федора. Имъ нужно было поспѣшить въ Брюссель, и черезъ 1½ часа они снова были на Сѣверной станціи.

— До вечера мы еще успѣемъ побродить, пойдемъ въ редакцію нашей газеты.

Они снова пошли въ узкія, грязныя улицы рабочихъ кварталовъ. Въ улицѣ Сабль помѣщалась редакція рабочей газеты „Народъ“. Рядомъ съ ней былъ книжный магазинъ рабочей партіи.

— О чемъ пишетъ эта газета? спросилъ Федоръ.

— Она пишетъ о всѣхъ рабочихъ дѣлахъ, объ ихъ нуждахъ, о стачкахъ; она разъясняетъ рабочимъ, какъ нужно бороться; объявляетъ о рабочихъ собраніяхъ, о рабочемъ движеніи въ другихъ странахъ, однимъ словомъ, обо всемъ, что нужно и важно знать рабочему. Она пишетъ о поведеніи буржуазіи, указываетъ рабочимъ опасности и средства предотвратить ихъ. Она заботится также о развитіи рабочихъ, помѣщая краткія научныя статьи по разнымъ вопросамъ.

— А цензура?

— Ха, ха, ха! У насъ нѣтъ никакой цензуры. Мы можемъ писать о чемъ угодно, можемъ составлять какія угодно воззванія, хоть призывать къ революціи. Есть, впрочемъ, одна вещь, которой нельзя дѣлать, да и за нее судятъ открытымъ судомъ, съ присяжными.

— Какая-же это вещь?

— А вотъ, если нашему редактору придетъ охота сплюнуть въ нашей газетѣ на священную физіономію нашего длинноносаго короля или разсказать рабочимъ, какъ онъ, отъ нечего дѣлать, развратничаетъ потихоньку отъ королевы съ танцовщицами, такъ редактора притягиваютъ въ судъ за „оскорбленіе величества“. Ха, ха! Но теперь нашъ король до того потерялъ всякое значеніе, что и плевать-то на него никому не придетъ въ голову. Вѣдь, это бумажная кукла, которая, безъ разрѣшенія парламента, только штаны себѣ можетъ заказывать, а дѣлами государства — ни, ни! распоряжаться не смѣетъ.

Въ газетѣ составляли майскій номеръ „Народа“. Въ немъ очерчивалась годовая дѣятельность Партіи, ея успѣхъ и неудачи; намѣчались задачи дальнѣйшей борьбы. Когда Федоръ и Артцъ выходили изъ редакціи, имъ встрѣтился полицейскій, расхаживавшій на своемъ посту. Эта фигура сразу напомнила Федору родину.

— А жандармы есть у васъ?

— Есть.

— И шпіоны?

— Т. е., сыскная полиція? Да, есть.

— И обыски дѣлаютъ?

— Обыски? По нашей конституціи личность и домашній очагъ неприкосновенны! съ гордостью выпрамляясь, сказалъ онъ. Никто не имѣетъ права арестовать меня на улицѣ, ни явиться ко мнѣ съ обыскомъ. Моя квартира священна. Да политическихъ обысковъ у насъ вообще никогда не можетъ быть. Мы можемъ держать какія угодно книги и въ какомъ угодно количествѣ. Сыскная полиція у насъ только для того, чтобы выслѣживать воровъ, преступниковъ, убійцъ. Если-бъ вздумали арестовать кого либо безъ достаточныхъ основаній, — по всей странѣ поднялся бы гвалтъ: это было бы нарушеніемъ правъ гражданина, нарушеніемъ конституціи.

Надъ городомъ уже слущались сумерки, и они снова вернулись въ „Народный Домъ“.

IV.

Въ „Народный Домъ“ уже массами стекались теперь рабочіе. На верху происходила репетиція рабочаго оркестра. Это была соединенная группа рабочихъ музыкантовъ, которая играла на всѣхъ рабочихъ праздникахъ, концертахъ, на манифестаціяхъ. Она часто совершала прогулки съ музыкой; играя „Марсельезу“, она ходила по рабочимъ предмѣстямъ, по деревнямъ и всюду разносила газету „Народъ“, брошюрки партіи и, такимъ образомъ, подъ звуки музыки пропагандировала идеи соціализма, идеи союза рабочихъ.

Зала приготовлялась для митинга. Теперь „Народный Домъ“ ярко сіялъ огнями, жизнь кипѣла въ немъ, шли спѣшныя приготовленія къ майской манифестаціи. Часовъ въ 8 раздался колокольчикъ, призывающій на митингъ. Любимые ораторы партіи уже присутствовали въ залѣ. Одинъ изъ нихъ — бывшій рабочій (въ партіи было такъ много дѣла по управленію, что многимъ рабочимъ пришлось оставить работу и служить за жалованье партіи). Ораторъ поднялся и началъ говорить.

„Товарищи!

Совѣтъ Рабочей Партіи обращаетъ къ вамъ горячій призывъ, въ возможно большемъ числѣ праздновать завтра 1-ое Мая и стараться о томъ, чтобы всѣ рабочіе побросали работу. Наши эксплуататоры принуждали насъ до сихъ поръ праздновать ихъ праздники, почитать ихъ святыхъ. Теперь мы принуждаемъ ихъ всеобщей забастовкой праздновать праздникъ пролетаріата, праздникъ страдающаго человѣчества. Этотъ праздникъ — интернаціональный праздникъ. Бросая работу и празднуя его, вы этимъ самымъ признаете себя солидарными съ рабочими всѣхъ странъ, также почитающихъ этотъ день. Вашимъ единодушіемъ въ зав-

трашней манифестаціи вы заставите дрожать вашихъ угнетателей; вашимъ единодушіемъ вы докажете братьямъ всего міра, что они могутъ на васъ разсчитывать. Пусть всѣ рабочіе привѣтствуютъ 1-ое Мая, зарю освобожденія, зарю новой жизни. Да здравствуетъ 1-ое Мая! Да здравствуетъ соединенный пролетаріатъ"!

Громкимъ, потрясающимъ всю огромную залу крикомъ „да здравствуетъ Первое Мая!" отвѣтило собраніе оратору. Рабочіе махали платками, шумно выражая свою солидарность съ нимъ. Федоръ сидѣлъ, закрывъ лицо руками. Ему не по силамъ была эта мощь, которая чувствовалась въ крикѣ рабочихъ, въ выраженіи ими своего восторга. Что-то свободное, могучее пробивалось наружу въ этомъ крикѣ, растилалось по залѣ и охватывало рабочихъ.

Затѣмъ говорили другіе ораторы партіи, потомъ перешли къ очереднымъ дѣламъ и часамъ къ 11 разошлись, чтобы встрѣтиться завтра въ торжественномъ шествіи.

Шумно расходились рабочіе изъ своего дома, не боясь никого, не прячась, продолжая также громко разкуждать на улицѣ, повѣряя тихой весенней ночи свои свободныя мысли и чувства, свои надежды на будущее.

V.

На слѣдующій день Федоръ со всѣми провожатыми уже съ ранняго утра были въ „Народномъ Домѣ".

День стоялъ чудный, воздухъ былъ прозраченъ, на небѣ-ни облачка. Природа распускалась, лепестки несмѣло раскрывались, точно боясь опередить своихъ товарищей, точно стараясь въ союзѣ съ другими встрѣтить красавицу весну, праздникъ возрожденія...

Цвѣтами усыпанъ былъ и „Народный Домъ": плелись вѣнки для вечерней манифестаціи, готовились транспаранты *), факелы, знамена. Утромъ, во всѣхъ концахъ города, въ ресторанахъ были митинги. Ораторы партіи говорили на нихъ о солидарности, о соціализмѣ, о цѣляхъ рабочаго движенія. На всѣхъ митингахъ былъ провозглашенъ 8-часовой рабочій день, какъ ближайшая цѣль рабочаго класса. Такъ прошелъ день. Въ шесть час. вечера рабочіе начали группами стекаться къ бульвару Аспахъ, мѣсту выхода манифестаціи. На площади и на прилегающихъ къ ней

*) Транспарантъ—это четырехугольняя рамка изъ провощеннаго полотна. На полотнѣ съ одной стороны рисуется картина или надпись. Внутри рамки вставляется фонарь, и такимъ образомъ, картина представляется ярко освѣщенной извнутри.

улицахъ, стояли уже сотни любопытныхъ. Полиція оттѣсняла ихъ къ тротуарамъ со словами: „не мѣшайте строиться колоннамъ“. Она пришла сюда затѣмъ, чтобы охранять удобства рабочихъ, чтобы расчищать путь для ихъ шествія. Цѣлыхъ два часа, до 8 часовъ, строились рабочіе. На площади ихъ было теперь до 35.000 человѣкъ. Въ 8 час. процессія тронулась. Впереди несли красное знамя съ надписью: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Знамя за двѣ ручки, обвитыя цвѣтами, несли рабочіе. За краснымъ знаменемъ шли профессіональные союзы со своими знаменами. Шелъ союзъ рабочихъ металлическихъ заводовъ, съ огромнымъ знаменемъ, которое несли за ручки 4 рабочихъ. На знаменіи изображенъ огромный молотъ и наковальня. Затѣмъ — союзъ ткачей, союзъ столяровъ, шапочниковъ, бронзовщиковъ, и множество другихъ союзовъ, каждый со своимъ знаменемъ; затѣмъ союзъ студентовъ-соціалистовъ; союзы работницъ: бѣлошвеекъ, перчаточницъ, цвѣточницъ, прачекъ и др. Тѣ рабочіе, которые не несли знаменъ, несли факелы или транспаранты. На транспарантахъ были картины и надписи. Такъ, были надписи: „Мы хотимъ жить, мы требуемъ 8-часоваго рабочаго дня!“ „Капитализмъ пожираетъ рабочихъ, долой паразитовъ!“ „Долой армію, мы требуемъ вооруженія гражданъ!“ На одномъ изъ транспарантовъ была нарисована богатая комната со столомъ, уставленнымъ винами и закусками, передъ нимъ толстый капиталистъ, и надпись: „Такъ живутъ тунеядцы съ труда рабочихъ!“; рядомъ съ ней была картина, изображающая бѣдную лачугу съ голыми дѣтьми и умирающими рабочими, съ надписью: „Такъ живутъ рабочіе, превратившіе свою кровь въ прибыль капитала!“

Между союзами шли музыканты, не переставшіе играть Марсельезу, Интернаціоналку и Карманьолу. За союзами ѣхала огромныхъ размѣровъ колесница, буквально вся засыпанная цвѣтами. Въ цвѣтахъ сидѣло человѣкъ 100 дѣтей. Ихъ милыя личики трудно было отличить отъ цвѣтовъ; тоненькими голосами, они пѣли пѣсни о свободѣ, о раветствѣ. Надъ колесницей изъ подъ цвѣтовъ выдѣлялась надпись: „Мы требуемъ государственнаго воспитанія и содержанія дѣтей, мы требуемъ полнаго устраненія ихъ съ фабрикъ! Да здравствуетъ соціализмъ, освобождающій нашихъ дѣтей отъ рабства!“ Крошки кивали головками прохожимъ, ихъ маленькія ручки посылали безкорыстный братскій привѣтъ, а раскраснѣвшіяся личики сіяли счастьемъ и радостью. Цвѣты ласкали ихъ, какъ бы обѣщая уберечь отъ тяжкой жизни пролетаріевъ, которую, какъ крестъ, несли ихъ отцы и матери.

За колесницей дѣтей ѣхала небольшая двухколесная колесница, также вся утопавшая въ цвѣтахъ. Изъ цвѣтовъ выдѣлялась красивая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ съ распущенными волосами. Подъ ногами у ней непрерывно горѣлъ магній и освѣщалъ ее золотистымъ свѣтомъ. Она изображала богиню свободы. Надъ го-

ловой золотыми буквами выдѣлялась надпись: Свобода, равенство, братство. Миръ и любовь".

Вся эта процессія растянулась на огромное пространство. По командѣ она двинулась впередъ—въ богатые кварталы буржуазіи. Чудное, таинственное зрѣлище представляла эта процессія... Экипажи прекратили ѣзду, прохожіе спѣшили дать мѣсто шествію, безмолвная тишина царила въ воздухѣ, а Марсельеза гремѣла по улицамъ, разносилась по столицѣ, и никто не могъ спрятаться отъ ея проникающихъ звуковъ....

Что думала въ это время буржуазія? Какъ чувствовала она себя въ золоченыхъ клѣткахъ своихъ чертоговъ, созданныхъ руками рабочихъ? Какими глазами смотрѣла она на своего врага, маршрующаго въ ея улицахъ, среди ея богатствъ, врага, соединеннаго въ неразрывный союзъ? Въ этихъ непотухающихъ факелахъ, въ этихъ странныхъ колоннахъ, въ этомъ союзѣ женъ, мужей, дѣтей, сестеръ и братьевъ она видѣла своего смертельнаго врага, своего преемника... Поэтому такъ мрачно смотрятъ теперь богатые дома, такъ спѣшно закрываются зеркальныя двери балконовъ; ихъ обитатели не хотятъ видѣть торжества пролетаріата, не хотятъ видѣть его единственнаго счастливаго дня въ году, дня, приносящаго ему надежду, поднимающаго его силы къ новой борьбѣ...

Процессія прошла всѣ главныя улицы, главныя площади и достигла зданія Городской Думы на Большой площади. Тутъ также полиція позаботилась о мѣстѣ для нея. Площадь уже была огорожена досками; только за досками могла стоять публика; самая площадь теперь принадлежала рабочимъ. Колонны медленно входили въ нее и строились. Когда вся 35,000-ая армія заняла всю площадь, Марсельеза была пропѣта всѣми вмѣстѣ и затѣмъ по командѣ раздались крики: „Да здравствуетъ Рабочая Партія!" „Да здравствуетъ рабочее движеніе всѣхъ странъ!" „Да здравствуетъ соціализмъ!"

Манифестація кончилась, утомленные рабочіе медленно, обнявшись, расходились по домамъ. Было около полуночи. Звѣзды кротко сіяли на небѣ, и мягкая майская ночь окутала городъ.

Федоръ все время шелъ, какъ въ бреду. Да, все это правда, все это онъ видѣлъ своими собственными глазами, онъ самъ участвовалъ въ этой манифестаціи, онъ разскажетъ своимъ товарищамъ, какъ живутъ ихъ братья, онъ добьется для своей бѣдной родины свободы, онъ клянется не жалѣть своей жизни, онъ знаетъ теперь твердо, чего имъ нужно...

Но что это? Стонъ, плачъ? Онъ ослышался? Нѣтъ, жалобный плачъ раздается все громче, сердце щемитъ у него отъ этого плача; онъ бросается во всѣ стороны, онъ хочетъ найти, кто льетъ слезы такъ жалобно, кто стонетъ и чей стонъ разрываетъ ему душу...

VI.

— Сдохъ, штоль, ты, животное? раздался надъ нимъ грубый голосъ. Федоръ съ трудомъ очнулся, осмотрѣлся кругомъ. Надъ нимъ наклонилась противная рожа жандарма, который изо всѣхъ силъ тормошилъ его за плечо. Въ комнатѣ уже была полиція и разбрасывала его вещи. Другой жандармъ держалъ въ рукахъ майскія прокламаціи, вынутыя изъ жакетки; вчера, съ тяжелой головой, Федоръ забылъ ихъ спрятать! Въ углу рыдала Даша; рыдала неудержимо, горько. Все ея тѣло вздрагивало, руки безсильно опустились.

— Замолчи, корова, или убирайся вонъ отсюда! топнулъ на нее ногой жандармъ.

— Бацъ!... раздалась звонкая пощечина въ маленькой комнаткѣ: это блѣдный Федоръ ударилъ жандарма...

— А!... Ты драться, звѣрь?!... заревѣлъ столпъ отечества. На каторгу хочешь?!...

— Ссылайте, мучьте, стройте тюрьмы и висѣлицы. Вы не перевѣшаете защитниковъ свободы, вы только скорѣй приготовите казнь для себя. Да здравствуетъ политическая свобода Россіи! Да здравствуетъ свобода печати, слова, союзовъ! Да здравствуетъ русское рабочее движеніе и его праздникъ 1-ое Мая! закричалъ Федоръ и съ блаженной улыбкой, съ лицомъ полнымъ вѣры отдался въ руки своихъ мучителей...